

Странные вещи случаются с нами иногда в жизни. А мы даже не замечаем, что происходит. Так, например, мы вдруг обнаруживаем, что были глухи на одно ухо, ну, скажем, в течение получаса.

Джеймс Барри, «Питер Пэн»

День, обещавший так много, заканчивался плохо.

Катерина положила трубку, раскалившуюся от гневных выкриков клиента, которому не понравилась статья, появившаяся с утра в «Коммерсанте». Изменить все равно уже ничего было нельзя, и Катерина едва удержалась от того, чтобы не надерзить строптивому клиенту. Виноват на самом деле был его собственный зам, не желавший учиться общению с прессой, а вовсе не агентство по связям с общественностью, которое это интервью организовало.

Двадцать минут она уговаривала, убеждала, сыпала комплиментами и клялась в вечной любви. Ничего не помогало. Клиент продолжал бушевать, и к концу разговора Катерина чувствовала себя тряпкой, которой вытерли пол, а потом засунули ее в угол, не забыв напоследок попинать ногами.

— Ох-хо-хо, — сказала Катерина и потерла глаза, уставшие от контактных линз и табачного дыма.

Самое время тихонько, не привлекая высочайшего внимания начальников, убраться восвояси. Она торопливо покидала в сумку пудрени-

цу и телефон и, сделав решительное и озабоченное лицо, чтобы всем окружающим сразу было ясно, что она отправляется куда-то по сверхважным делам и при этом очень спешит, двинулась в сторону лифтов.

Но не тут-то было.

— Катя! — радостно закричала из приемной генерального секретарша Ирочка. — Как хорошо, что ты еще не ушла! Олег только что просил тебя найти, я даже трубку сняла.

С протяжным стоном преступника, пойманного за руку в самый ответственный момент, Катерина посмотрела в пустую кабину пришедшего лифта, дождалась, когда закроются вожаделенные двери, и только после этого поплелась к генеральному.

— Что стряслось? — спросила она, едва войдя. Генеральный был не один. Первый зам попивал кофе из большой белой кружки, сидя за столом переговоров. Это не сулило ничего хорошего и могло означать только одно — они настроены на долгую беседу.

Катерина стояла посреди кабинета, решив ни за что не садиться. Может, если она будет стоять, они смилуются и отпустят ее домой?

— Садись, садись! — предложил генеральный, моментально разгадавший ее маневр. — Садись и читай.

И он швырнул на стол тяжелую кожаную папку.

Второй начальник приглашающим жестом отодвинул кресло, и Катерине ничего не оставалось, как покориться судьбе-злодейке.

— Что это? — спросила она уныло.

— Новый клиент! — ответил генеральный.

— Кто?

— Открывай, — велел генеральный тоном Деда Мороза, раздающего подарки, и многозначительно посмотрел на зама.

Катерина взяла со стола папку и некоторое время просто держала ее в руках, не открывая. Она специально испытывала терпение обоих начальников, которые сидели с такими самодовольными физиономиями, что не потянуть время было просто невозможно. Катерина понимала, что они, очевидно, поймали очень крупную рыбу, их ужимки и прыжки могли означать только это.

Она любила обоих начальников за неиссякаемый боевой задор, бульдожью хватку, профессионализм и даже некоторое присутствие порядочности. По крайней мере, с ней они оба всегда были очень милы.

— Ну ладно, Катерина, давай, не тяни, — наконец не вынес младший начальник Саша Скворцов, — мы оценили твою выдержку и здоровый скептицизм. Открывай.

Катерина вздохнула легонько и открыла папку.

— О господи, — пробормотала она, уставившись на большую цветную фотографию. Начальники переглянулись, довольные произведенным эффектом. Впрочем, иного они и не ожидали. Человек на фотографии на всех производил одинаковое впечатление.

— Ну как? — Главный начальник Олег Приходченко хотел бурных восторгов, а третье лицо компании и ее главная творческая сила что-то уж

слишком долго молчало, рассматривая фотографию и не перелистывая страниц.

Дело было сделано громадное — клиент, не просто перспективный, а очень перспективный, вместе со своим миллионным бюджетом, был у них в кармане, и только сам Приходченко знал, чего это стоило.

Катерина наконец оторвалась от созерцания фотографии и устало заявила:

— Вы просто спятили. Оба. Где вы его взяли?

— Коммерческая тайна, — буркнул Саша Скворцов, поняв, что никаких восторгов не предвидится. — А что тебя не устраивает, собственно? Мы добыли заказчика, у которого одна машина стоит столько, сколько ты зарабатываешь за десять лет. Ты его будешь вести. С нашей помощью, разумеется.

— Ну, разумеется, — усмехнулась Катерина.

— На его деньги мы будем жить всю жизнь, вместе со всей нашей лавкой. — Саша, как специалист по связям с общественностью, гнул свое и не давал сбить себя с толку ироничными замечаниями. — Так почему ты делаешь кислое лицо?

Они так с ней церемонились, потому что знали — без нее они не вытянут этого клиента. Да и никакого другого, даже значительно более простого, не вытянут. Катерина соображала, как компьютер пятого поколения, и, когда увлекалась, готова была работать день и ночь. Коммерческие вопросы они решали без нее, а стратегические только после консультации с ней. Впервые в их совместной работе они не спрашивали ее мнения, а ставили перед фактом, и Катерине это не слишком нравилось.

— Я не делаю кислое лицо, — ответила она Скворцову. — Я просто знаю, что мы ввязались в совершенно гиблое дело. Я все понимаю, и про бюджет, и про перспективы, но я также понимаю, что работать с такого рода личностями — это конец света.

И все замолчали. Катерина рассматривала фотографию.

Мужчина на ней выглядел мрачным и тяжелым, как танк «Т-34» времен Отечественной войны. У него было неприятное лицо и взгляд людоеда из детской сказки. Очки в тонкой золотой оправе смотрелись на его лице таким же инородным телом, как бриллиантовая брошь на платье нищенки.

Какой-то продвинутый имиджмейкер подсказал, поняла Катерина, чтобы облагородить резкое, почти уродливое лицо. Зря подсказал — очки смотрелись смешно.

— Что ему нужно? — спросила Катерина, переворачивая фотографию лицом вниз, смотреть на нее долго было невозможно, хотелось спрятать глаза и отодвинуться.

— Все, — коротко ответил Приходченко. — Полный спектр услуг, от начала до конца.

— Что это значит? — Катерина изучала первую страницу досье.

— Ты прочти сначала, — с легкой досадой посоветовал Скворцов, — а потом все обсудим.

Ему не нравилась реакция Катерины. Было очень важно, чтобы этим делом занялась именно она, только тогда они выжмут максимум возможного из этого суперклиента и его амбиций. Тогда они наконец выйдут на уровень, о котором мож-

но только грезить, лежа без сна между тремя и четырьмя часами ночи.

Катерина, пошарив рукой по столу, достала из пачки сигарету. Приходченко шелкнул зажигалкой и подвинул ей пепельницу.

— Завод на Урале, — пробормотала Катерина. — Верфи в Питере и в Калининграде. Недвижимость в Москве. Банк «Новое время». Телеканал СТВ, неужели тоже его? А вроде был Лисовского...

— Перекупил с месяц назад, — пояснил Приходченко, знавший это досье наизусть.

— Депутат от Калининграда, — бормотала Катерина, — член совета директоров Уралмаша, газета «Итоги»... кстати, неплохая газета... медиахолдинг, ну это понятно, куда ж нынче без медиахолдингов... Театр Ленинского комсомола тоже он спонсирует? Надо же, научил кто-то театры спонсировать... — Она перевернула страницу, мельком глянув на начальников. Начальники слушали ее перечисления как музыку.

— Биография... — Катерина затушила сигарету, читать стало интересней. Ее всегда занимало, как можно сделать такие деньги. Понятно, что нужно воровать, но воровать исключительно талантливо. — Вырос в Калининграде, школа № 43, ПТУ... ну, конечно... завод «Янтарь», о господи, наладчик. Наладчик?! Инженер, начальник смены, начальник цеха. Директор. После приватизации, что ли? — Катерина взглянула на Приходченко. Тот кивнул. — Дальше все как по писаному. Окончил Калининградский технический институт. И еще Академию народного хозяйства

три года назад. Ну, этот диплом купил для порядка, или опять, может, кто подсказал...

— Кать, не надо думать, что он идиот, — не выдержал Скворцов.

— Идиотов с такими деньгами не бывает, — ответила Катерина, — по крайней мере живых...

— Вот именно, — усмехнулся Приходченко.

— Сорок один год, второй раз женат. Первая жена, Людмила, прозябает на исторической родине, в славном городе Калининграде. Разошлись давно и тихо-мирно, судя по тому, что в прессе никаких скандалов не было. Интересно, он ее содержит или нет? Не выяснили? — Катерина глянула на начальников. Скворцов отрицательно покачал головой. — Надо выяснить. Вторая жена, Диана Карпинская, «мисс Мода — 94». О господи, как они все неоригинальны, эти олигархи... Куда же ему, бедному, без «мисс Моды»? Практически никуда... Ушла с подиума вскоре после того, как вышла замуж. С первой женой она его развела или они раньше развелись, никто не знает?

— Ты все и узнаешь, Катерина, — ехидно ответил Скворцов. Она пропустила ремарку начальника мимо ушей. Биография доброго молодца — промышленного магната ее по-настоящему увлекла.

— Сегодня прелестная женушка — генеральный директор издательского дома «Диана», выпускает популярный женский журнал «Диана» и еженедельник о моде «Диана». Как, опять Диана? Нет, ей-богу, вы спятили, ребята. Клиент похож на разъевшегося уголовника из зоны, его жена называет собственным именем все, что видит во-

круг. У нее нет виллы на Средиземном море под названием «Усадьба «Диана»?

Начальники переглянулись и, перестав шататься по кабинету, заняли места за столом переговоров, напротив нее.

Шутки кончились, так поняла их маневр Катерина. Начинается работа, за которую ей придется браться, как бы она ни пыталась их разозлить и заставить тащить проект без нее.

— Дайте я дочитаю-то, — попросила она с тоской. — Немножко осталось.

— Валяй, дочитывай, — разрешил Приходченко. — И запоминай все хорошенько. Так чтоб потом время не тратить.

— Машины — никаких пристрастий. К «Мерседесам» равнодушен. Неужели? Представительская машина — «Ягуар». В быту ограничивается джипом. «Лендровер» индивидуальной сборки. Вот это классно придумано — в быту! Охрана передвигается на «Хаммере». О боже, боже... К одежде равнодушен. Носит английские костюмы, которые привозит из Лондона. Развлечений — никаких. Как, а голые девочки в бане?

— Никаких голых девочек, Катерина. — Приходченко даже обиделся за клиента. — Тут уж одно из двух: или девочки, или бизнес такого уровня. Любовница, наверное, есть, мы не проверяли, но уж девочек точно нет.

— Хотите, я догадаюсь, что он слушает в машине? — спросила Катерина, закрывая папку.

— Хотим, — улыбнулся Приходченко. Это было интересно. Катерина еще не вступила в игру, еще иронизировала и ломалась, но ее безошибочное чутье уже улавливало что-то, какие-то

токи, исходившие от собранного материала, и за это чутье Приходченко готов был простить ей все, что угодно, любые выкрутасы.

— В машине он слушает группу «Любэ» и роняет скупую мужскую слезу на свой кейс с деньгами, когда они поют про коня или про комбата. Точно?

— Попала, Катька, — улыбнулся Приходченко. — Про слезу не знаю, но слушает он «Любэ», это точно. Ты политическое досье специально не стала смотреть?

— Олег, уже конец дня, я настроилась домой идти. Если хотите обсуждать что-то, давайте обсудим, хотя и так все ясно. А досье я с собой возьму. Почитаю на ночь. Прелестное, надо сказать, чтение. Если вы хотите что-то сказать мне сверх того, что я уже изучила, — вперед.

— Вперед, — повторил Приходченко. — Самое главное — он хочет пройти в губернаторы. На своей, как ты выражаешься, исторической родине.

— Я догадалась. — Катерина снова закурила.

День был тяжелым, и она понимала, что разговаривать им еще долго. Хотелось домой. Сестра обещала заехать на ужин, а Катерина опять пропустит все самое интересное — Дарьины рассказы про дочку, двухлетнюю Саньку, которую они всем семейством обожали. Дарья завтра будет звонить и ругать ее, никудашную сестру и невнимательную тетку.

Приходченко тоже закурил, задумчиво пуская дым в Сашу Скворцова.

— Но не это самое главное, — встрепенувшись, вступил в разговор Саша. — Самое глав-

ное, что губернаторством дело не ограничивается.

— В президенты метит? — осведомилась Катерина с усмешечкой. — В правильном направлении мыслю?

— Ты всегда мыслишь в правильном направлении, — согласился Приходченко и вновь замолчал.

Он сознательно оставлял все объяснения на долю Саши Скворцова, у того это получалось лучше, да и ссориться с Катериной у Олега не было никакого резона — пусть ссорится Скворцов.

О ссорах Александра Скворцова и Катерины Солнцевой по офису ходили легенды, о них слагли былины и шептали друг другу в уши в курилке. Приходченко был ни при чем. Положение генерального директора позволяло свалить все самое неприятное на долю близкого окружения — Скворцова и Солнцевой. Саша о своей участи прекрасно знал, просто деваться ему было некуда.

— До президентских выборов осталось как раз три года. Если он на следующий год пройдет в губернаторы, то на создание земного рая, или его видимости, в отдельно взятом анклаве останется два года. Вполне достаточно. Наша главная задача — создать эту видимость так, чтобы в нее поверили все, включая самого клиента.

— Наша главная задача, — раздражаясь, вступила Катерина, — осознать масштабы бедствия, в которое мы со всего размаху вляпались. Ведь отступать, как я понимаю, некуда?

Скворцов кивнул, соглашаясь.

— Воистину некуда, раба божья Екатерина. У него формируется предвыборный штаб, и мы в него уже вошли как служба по связям с общественностью. Нужно быстро составить план мероприятий, придумать, куда лучше всего вложить деньги, написать медиа-планы, все как всегда.

— Да не все как всегда, Саша! — Катерина завелась с пол-оборота. Она ненавидела эту скворцовскую черту — весело рассуждать о самых сложных проектах, ставить заведомо невыполнимые задачи, а потом так же весело требовать их выполнения. Иногда это срабатывало — трепеща пред светлым начальничьим ликом, сотрудники вылезали из кожи вон, создавали на пустом месте целые программы и резво их воплощали в жизнь.

Сейчас, Катерина отлично это понимала, совсем другой случай. Ценой ошибки была не потеря денег, а «усекновение главы», как называл крупные неприятности Катеринин отец, Дмитрий Степанович, того же Саши Скворцова.

— Мы никогда в жизни не занимались выборами. Это раз. Мы никогда не работали в его окружении. Это два. Нам всем придется как минимум на год переселиться в Калининград. Это три. Нас никто не допустит до тела. Никогда. Это и четыре, и пять, и восемь, и двенадцать.

— Почему не допустит? В понедельник мы едем представляться. Непосредственно телу, — снисходительно поправил ее Саша. — Ты, между прочим, тоже едешь.

— Хорошо, один раз мы его увидим в непосредственной близости от себя, а потом? Или Тимофей Кольцов будет принимать Приходченко каждый день, и выслушивать отчеты, и править